

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
седьмая**

Виссарион Белинский
Сочинения Александра
Пушкина. Статья седьмая

«Public Domain»

1844

Белинский В. Г.

Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1844

Статьи писались на протяжении трех с лишним лет. Естественно, что даже при единстве общего замысла точка зрения Белинского на Пушкина с годами изменялась. Белинский двигался к все более глубокой, исторической и социологической трактовке его творчества с позиций демократа 40-х годов. Поразительная широта подхода Белинского к разрешению поставленной темы видна в самом плане статей. В шестой и седьмой статьях Белинский рассматривает поэмы Пушкина, прослеживая постепенное развитие его реализма.

Содержание

Поэмы: «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Поэмы: «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин»

«Цыганы» были приняты с общими похвалами, но в этих похвалах было что-то робкое, нерешительное. В новой поэме Пушкина подозревали что-то великое, но не умели понять, в чем оно заключалось, и, как обыкновенно водится в таких случаях, расплывались в восклицаниях и не жалели знаков удивления. Так поступили журналисты; публика была прямодушнее и добросовестнее. Мы хорошо помним это время, помним, как многие были неприятно разочарованы «Цыганами» и говорили, что «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства. В то время как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили *Пленником*, *Черкешенкою*, *Зарею*, *Мариею*, *Гиреем*, *Братьями-разбойниками* и только по какой-то робости похваливали «Цыган», или боясь скомпрометировать себя, как образованных судей изящного, или детски восхищаясь песнию Земфиры и сценою убийства. Явный знак, что Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений. Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений – своих истинных судей. «Цыганы» произвели какое-то колебание в быстро возраставшей до того времени славе Пушкина; но после «Цыган» каждый новый успех Пушкина был новым его падением, – и «Полтава», последние и лучшие две главы «Онегина», «Борис Годунов» были приняты публикою холодно, а некоторыми журналистами с ожесточением и с оскорбительными криками безусловного неодобрения.

Перелистуйте журналы того времени и прочтите, что писано было в них о «Цыганах»: вы удивитесь, как можно было так мало сказать о столь многом! Тут найдете только о Байроне, о цыганском племени, о небезгрешности ремесла – водить медведя, об успешном развитии таланта *невица Руслана и Людмилы*, удивление к действительно удивительным частностям поэмы, нападки на будто бы греческий стих: «И от судеб защиты нет», осуждение будто бы вялого стиха: «И с камня на траву свалился», – и многое в этом роде: но ни слова, ни намек на идею поэмы.^[1]

А между тем поэма заключает в себе глубокую идею, которая большинством была совсем не понята, а немногими людьми, радушно приветствовавшими поэму, была понята ложно, – что особенно и расположило их в пользу нового произведения Пушкина. И последнее очень естественно: из всего хода поэмы видно, что сам Пушкин думал сказать не то, что сказал в самом деле. Это особенно доказывает, что непосредственно творческий элемент в Пушкине

[1] На выход «Цыган» отдельным изданием в 1827 году откликнулись «Сын отечества» (ч. СХIII, № 12, стр. 401–402), «Северная пчела» (№ 65). В «Московском телеграфе» (ч. XV, № 10, стр. 111–122) выступил со статьей Вяземский. Белинский имеет в виду прежде всего именно эту статью. Однако Вяземский весьма дельно «намекнул» на «идею поэмы». Вот что он говорил, например, об Алеко: «Но, укрывшийся от общества, не укрылся он от самого себя; с изменою рода жизни, не изменился он нравственно и перенес в новую стихию страсти свои – и страдания за ними следующие» (стр. 116 в Полн. собр. соч., т. I, стр. 316). Поэма в целом «есть пока, без сомнения, лучшее создание Пушкина» (315).

был несравненно сильнее мыслительного, сознательного элемента, так что ошибки последнего, как бы без ведома самого поэта, поправлялись первым, и внутренняя логика, разумность глубокого поэтического созерцания сама собою торжествовала над неправильностью рефлексий поэта. Повторяем: «Цыганы» служат неопровержимым доказательством справедливости нашего мнения. Идея «Цыган» вся сосредоточена в герое этой поэмы – Алеко. А что хотел Пушкин выразить этим лицом? Не трудно ответить: всякий, даже с первого, поверхностного взгляда на поэму, увидит, что в Алеко Пушкин хотел показать образец человека, который до того проникнут сознанием человеческого достоинства, что в общественном устройстве видит одно только унижение и позор этого достоинства, и потому, прокляв общество, равнодушный к жизни, Алеко в дикой цыганской воле ищет того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предрассудками и приличиями, добровольно закабалившее себя на унижительное служение идолу золота. Вот что хотел Пушкин изобразить в лице своего Алеко; но успел ли он в этом, то ли именно изобразил он? Правда, поэт настаивает на этой мысли и, видя, что поступок Алеко с Земфирией явно ей противоречит, сваливает всю вину на «роковые страсти, живущие и под разодранными шатрами», и на «судьбы, от которых нигде нет защиты». Но весь ход поэмы, ее развязка и особенно играющее в ней важную роль лицо старого цыгана неоспоримо показывают, что, желая и думая из этой поэмы создать апофеоз Алеко, как поборника прав человеческого достоинства, поэт вместо этого сделал страшную сатиру на него и на подобных ему людей, изрек над ними суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический.^[2]

Кому не случалось встречать в обществе людей, которые из всех сил быются прослыть так называемыми «либералами» и которые достигают не более, как незavidного прозвища жалких крикунов? Эти люди всегда поражают наблюдателя самым простодушным, самым комическим противоречием своих слов с поступками. Много можно было бы сказать об этих людях характерического, чем так резко отличаются они от всех других людей, но мы предпочитаем воспользоваться здесь чужою, уже готовою, характеристикой, которая соединяет в себе два драгоценные качества – краткость и полноту: мы говорим об этих удачных стихах покойного Дениса Давыдова:

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещет в ус да в рыло;
А глядишь – наш Лафаэт,
Брут или Фабриций,
Мужичков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.^[3]

Такие люди, конечно, смешны, и с них довольно легонького водевиля или сатирической песенки, ловко сложенной Давыдовым; но поэмы они не стоят. Никак нельзя сказать, чтоб Алеко Пушкина был из этих людей, но и нельзя также сказать, чтоб он не был им сродни. Вели-

^[2] «Романтические заблуждения» Пушкина насчет своего героя были невозможны уже по чисто хронологическим причинам: «Цыганы» начаты в Одессе в конце 1823 года или в самом начале 1824 года. Реалистический роман «Евгений Онегин» начат 9 мая 1823 года; 8 декабря 1823 года была окончена уже вторая глава романа. «Цыганы» окончены в Михайловском только 10 октября 1824 года, но за неделю до этого, 2 октября, была закончена уже третья глава «Евгения Онегина». Поэт, который в романе своем «захлебывался желчью» (письмо к А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 года) и глубоко вскрывал причину «российского недуга», не питал никаких иллюзий насчет своего героя и в создававшейся одновременно поэме. Он отнюдь не стремился создать «апофеозу» романтическому герою, Алеко.

^[3] Из «Современной песни» Д. В. Давыдова, напечатанной в альманахе «Утренняя заря на 1840 г.» (стр. 178–184). В тексте альманаха – не «Гаврила», а «Гаврило» (стр. 179).

кая мысль является в действительности двойственно: комически и трагически, смотря по личным качествам людей, в которых она выражается. Дурная страсть в человеке ничтожном или забавна, как глупость, или отвратительна, как мерзость; дурная страсть в человеке с характером и умом ужасна: первая наказывается хохотом или презрением, смешанным с омерзением; вторая служит для людей трагическим уроком, потрясающим душу. Вот почему для первой довольно легонького водевиля или сатирической песенки, много уже, если комедии; для второй нужна сатира Барбье, и ее не погнушается даже трагедия Шекспира. Глупец, который корчит из себя Мирабо, есть «не что иное, как маленький эгоизм, который не любит *для себя* тех самых стеснительных форм, которыми любит душить других. Дайте этому эгоизму огромный объем, придайте к нему большой ум, сильные страсти, способность глубоко понимать и чувствовать всякую истину, пока она не противоречит ему, – и перед вами весь Алеко, такой, каким создал его Пушкин. Не страсти погубили Алеко. «Страсти» – слишком неопределенное слово, пока вы не назовете их по именам; Алеко погубила одна страсть, и эта страсть – эгоизм! Проследите за Алеко в развитии целой поэмы, и вы увидите, что мы правы.

Приведя встреченного за холмом, подле цыганского табора, Алеко, Земфира говорит своему отцу, между прочим:

Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон.

В этих словах Алеко является еще только таинственным, загадочным лицом, не более; для беспристрастной наблюдательности он еще не может показаться ни преступником вследствие эгоизма, ни жертвою несправедливого гонения, и только мелкий либерализм, в своей поверхностности, готов сразу принять его за мученика идеи. Но вот табор снялся; Алеко уныло смотрит на опустелое поле и не смеет растолковать себе тайной причины своей грусти. Он, наконец, волен, как божия птичка, солнце весело блещет над его головою, – о чем же его тоска? Поэт пророчит ему, что страсти, некогда так свирепо игравшие им, только на время присмирели в его измученной груди и что скоро они снова проснутся... Опять страсти! но какие же? А вот увидим...

Может быть, Алеко только внешним образом, по чувству досады, разорвал связи с образованным обществом, и ему тяжка исполненная лишений дикая воля бедного бродящего племени, ибо, как мудро заметил ему старый цыган,

...не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.

Нет! черноокая Земфира заставила его полюбить эту жизнь, в которой

Всё скудно, дико, всё нестройно;
Но всё так живо-непокойно,
Так чуждо мертвых наших нег.
Так чуждо этой жизни праздной.
Как песнь рабов, однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалеет ли он о том, что навсегда бросил, Алеко отвечает:

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала

Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой, —
Ни вешним запахом лугов,
Любви стыдятся, мысли гонят.
Торгуют волею своей.
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Какой энергический, полный мощного негодования голос! Какая пламенная, вся проникнутая благородным пафосом речь! С какою неотразимою силою увлекает душу это пророчески обвинительное, страшным судом гремящее слово! Прислушиваясь к нему, не можешь не верить, чтоб человек, обладающий такою силою жечь огнем уст своих, не был существом высшего разряда, – существом, исполненным светлого разума и пламенной любви к истине, глубокой скорби об унижении человечества... Вы видите в нем героя убеждения, мученика высших, недоступных толпе откровений... Как высоко стоит он над этою презренною толпою, которую так нещадно поражает громом своего благородного негодования!.. Но здесь-то и скрывается великий урок для оценки истинного достоинства; здесь-то и можно видеть, как легко быть героем на счет чужих пороков, заблуждений и слабостей и как мудрено быть героем на свой собственный счет, – как всякого должно судить не по одним словам его, но если по словам, то не иначе, как подтвержденным делами. Изречь энергическое, полное благородного негодования проклятие не только на какое-нибудь общество или какой-нибудь народ, но и на целое человечество гораздо легче, нежели самому поступить справедливо в собственном своем деле. И потому изрекать анафему так же не всякий имеет право, как и изрекать благословение; это могут только, приявшие свыше власть и посвящение. Как поучать других имеет право только знающий сам то, чему берется поучать, так и предписывать другим пути практической мудрости и справедливости может только тот, кто сам уже твердою стопою привык ходить по этим путям. Слово само по себе – не более, как звук пустой: оно важно только как выражение мысли; а мысль сама по себе – не более, как призрак чего-то разумного и прекрасного: она важна лишь как идеальная сущность действительности. Все, что не подходит под мерку практического применения, ложно и пусто. Вот почему необходимо должно обращать внимание не только на то, действительно ли истинно сказанное, но и на то, кем оно сказано. По этой же причине в устах призванных и посвященных иногда и старые истины получают новую форму и новую силу убеждения, как будто бы они были сказаны в первый раз; а в устах людей, самовольно принимающих на себя обязанности учителей, иногда и новые, оригинально выраженные мысли пропадают без действия, как будто истертые общие места...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания